

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ В РУССКО-АРМЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ (К 125-летию со дня рождения поэта)

Заря двадцатого века перевернула все устои цивилизованного мира – бурные социально-политические события, докатившиеся и до Кавказских гор, отражались не только на судьбах народов и стран, но и их рядовых гражданах. Глазастый мальчик из армянского провинциального города Карса на русско-турецкой границе – Егише Согомонян был воодушевлен ветром перемен, долетевшим в их глухие края с холодных суровых равнин России, новыми идеями «всемирного братства и единения народов», назревающим часом освобождения родного армянского народа, истерзанного резней и погромами турецких варваров...

Революционные события 1917 года застали поэта в России, а последовавшая вслед за ними гражданская война явилась для него своеобразным «университетом», когда в солдатских окопах, в редкие минуты затишья между боями, он обдумывал новые стихи и поэмы, записывал куда попало пламенные строки своих знаковых произведений...

В декабре 1921 г. Егише, уже взявший себе печально-многозначительный псевдоним – Чаренц, заканчивает свое новое, нашумевшее в армянском обществе сочинение – «Всепоэму», на которую обратил внимание видный русский поэт В. Брюсов, взявшийся перевести ее на «великий и могучий». Это не было случайностью – взаимный интерес армянских и русских мастеров слова друг к другу имел глубокие корни.

С первых же шагов творческой деятельности Чаренц, оказавшийся в водовороте российской действительности, проявлял глубокий интерес к русской литературе. Так, в своей статье «Современная русская поэзия» (1923) Чаренц отмечал: «Любое литературное движение, происходившее в России, сразу же находило отклик у нас, подталкивало вперед колесо нашей литературы, намечало для нее пути и тропы, а армянский читатель воспитывался на замечательных образцах великой русской литературы»¹. Этот, по его словам, «неоспоримый факт» Чаренц объяснял вековыми торгово-экономическими и общественно-культурными связями Армении и России. Поэт недвусмысленно обличает тех деятелей, которые пытаются воздвигнуть стену между духовной жизнью русского и армянского народов, и подмечает, что именно «с русских бескрайних полей» армянам «ударил в лицо весенний ветер» перемен. Эпоха требовала своих глашатаев, и она получила их: в России наиболее значительным был Владимир Маяковский, в Армении – Егише Чаренц. Ценителям поэзии, знакомым с творчеством этих глашатаев нового общества, нельзя было не заметить общности эстетических принципов обоих

¹ Армянские писатели о русской литературе 1978, Ереван, 219.

поэтов, одинаковой идейной направленности их произведений, близости или сходства интонаций, характеристик, элементов построения образов и т.д. В поэтические строки и русского, и армянского поэта прежде всего выкристаллизовывались именно те понятия и образы, которые жили в сознании народов и в которых наиболее рельефно воплощалась историческая реальность, эпоха перемен глобального масштаба.

Тридцатые годы XX века были ознаменованы небывалым оживлением литературной жизни как в России, так и в Армении. Призыв Горького к писателям лучше познавать творчество друг друга возымел действие: один за другим появляются переводные сборники произведений национальных поэтов; Москва и Ленинград становятся центрами притяжения для разноязычного племени поэтов и писателей огромной страны, в том числе и для деятелей армянской литературы. В начале десятилетия появляется несколько сборников армянских стихов на русском языке. Так, в «Современной армянской поэзии» (1931) наиболее интересным, пожалуй, автором оказался Егише Чаренц, представленный целым рядом сочинений в переводах (к сожалению, не самых лучших переводчиков).

Чаренц, любивший и высоко ценивший русскую поэзию, считал, что переводы его собственных стихов, возможно, даже стыдно «показывать таким изощренным читателям, для которых Пушкин, Блок, Маяковский, Пастернак – свои, отечественные поэты», а потому опасался «средних» переводов, которые рядом с оригинальными стихами русских поэтов – «ничто»². И неудивительно, что армянский писатель был очень строг в выборе переводчиков. Так, в 1933 г. он писал Анне Иоаннисиан, дочери выдающегося поэта Иоаннеса Иоаннисиана, о том, что готовится сборник его стихов в переводе русских поэтов, и просил: «...не можешь ли ты связаться с ленинградскими русскими поэтами, например, с Тихоновым и Тыняновым, чтобы они взяли на себя часть этих переводов... Я бы хотел иметь дело только с ними, а не с какими-нибудь халтурщиками»³.

В последующие годы он пытается сделать все, чтобы его сочинения попадали к талантливым русским переводчикам и редакторам. К сожалению, это удавалось не всегда – лишь отдельные переводы А. Ахматовой, Б. Пастернака, А. Тарковского, П. Антокольского, В. Звягинцевой, А. Гатова и некоторых других более или менее соответствовали духу самобытной поэзии Чаренца, который как-то высказался в том ключе, что, если перевод не удался, лучше его «выкинуть, чем иметь в сборнике вещь малоценную и банальную»⁴.

Однако если поэту что-то нравилось даже чисто субъективно (порою в противовес литературным критикам), он не мог не выразить своей радости и благо-

² Չարենց Ե. 1967, Երկերի ժողովածու, 6 հատ., հ. 6, Երևան, 438:

³ Литературная Россия, N 40, 29.09.1967.

⁴ Мкртчян Л. 1968, Армянская поэзия и русские поэты XIX-XX вв., Ереван, 197.

дарности тому или иному русскому поэту и переводчику. Так, весной 1934 г. Егише Чаренц писал А.Гатову: «С величайшим удовольствием прочитал Ваши переводы моих стихов и поэм и, первым делом, должен сказать Вам, что я прямо в восторге от некоторых переводов: они почти 4 адекватны оригиналам. Вы удивительно хорошо почувствовали и смогли передать в переводе не только почти буквальный смысл моих стихов, строка в строку, но (что самое главное) – подлинный стиль и дух моих писаний – за что я бесконечно признателен Вам высокой благодарностью друга и поэта»⁵.

Несомненно, именно русские переводы произведений Чаренца сделали его имя известным далеко за пределами Армении, и еще на Первом Всесоюзном съезде писателей армянский поэт предстал уже в одном ряду с самыми прославленными мастерами художественного слова. В своем ярком, эмоциональном выступлении на писательском форуме он подчеркнул важность «живого обмена творческим опытом путем взаимных переводов», которые способствуют не только «расширению сфер влияния» национальных поэтов, но и собственному творческому обогащению. Среди тех русских поэтов, у которых он, по собственным словам, «учился», Чаренц назвал Николая Тихонова, Владимира Маяковского, Бориса Пастернака, Илью Сельвинского⁶...

Тридцатые годы особенно расширили круг русских друзей армянского поэта – благодаря писательским форумам, поэтическим вечерам и встречам в Москве, Ленинграде, Ереване; наконец, благодаря оживленным личным контактам в связи с переводческой и литературно-общественной деятельностью (Тихонов, Антокольский и др.). Неизгладимое впечатление произвела на Егише Чаренца личность Максима Горького, побывавшего в Армении в конце двадцатых. Когда же великого писателя не стало, армянский поэт откликнулся пронзительной статьей «Путь гениев и звезд» (1936), в которой представил блестящий портрет «гениального русского писателя», человека «легендарной славы», «величайшего гражданина мира». Чаренц видит перед собой «мудрое лицо шествующего по путям новой человеческой истины интеллектуального чудотворца с взглядом пророка, которому предстояло «обессмертиться в веках не феноменом, поднявшимся со дна социального океана, а родившимся из лона гениального русского народа гениальным писателем и великим гражданином, своим литературным талантом происходившим из величественного рода Пушкина и Толстого, последним органичным звеном в классической цепи русской литературы»⁷.

⁵ Եղիշեն Ե. 1967, 436:

⁶ Եղիշեն Ե. 1967, 257:

⁷ Չարենց Ե. 1967, 285-293:

В середине тридцатых годов Чаренц, в связи с подготовкой первой послебрюсовской «Антологии армянской поэзии», сближается с Н. Тихоновым и П. Антокольским, назначенными русскими редакторами этого объемистого сборника.

С Тихоновым Чаренц встречался еще в двадцатые годы, во время пребывания русского поэта в Армении. В письме от 1935 года, адресованном московскому литератору К. Микаэлян, Тихонов, очарованный талантом и личностью Чаренца, писал: «...Хорошо бы, если бы Вы уговорили... приехать Чаренца. Он бы, во-первых, поговорил о поэзии так, как он умеет говорить, – подробно и блестяще, во-вторых, мы бы с ним поговорили не без взаимного интереса...»⁸.

Высоко ценили друг друга Егише Чаренц и Павел Антокольский. Известный русский поэт и переводчик немало потрудился над армянской поэзией в период работы над антологией, в том числе и над сочинениями Чаренца. Хотя армянское литературоведение весьма скептически восприняло переводы Антокольского, тем не менее они сыграли немаловажную роль в представлении русскоязычному читателю таких сложных и разноплановых произведений, как поэма «Хмбапет Шаварш», стихотворения «Гимн художникам-миниатюристам», «Гимн нашим великим мастерам», и наиболее удачные до сих пор находят себе место в русских изданиях Чаренца.

В одном из своих очерков Антокольский дал выразительный портрет Чаренца, которого он увидел в Ереване в 1935 году: «На лице его были горькие морщины, такие резкие и глубокие, как будто они еще прочерчены углем... душевный творческий возраст все же обозначался. Этот возраст говорил о сложном жизненном опыте, о том, что за плечами этого человека большая, недаром пройденная дорога, полная всего, что может выпасть на долю страстного и очень одаренного человека»⁹.

Егише Чаренц – подлинный поэт-интернационалист, искренний поборник духовного родства народов, в частности армянского и русского, однозначно доказавший это всей своей недолгой, но яркой жизнью и кипучей, плодотворной деятельностью.

РОБЕРТ БАГДАСАРЯН

Доктор филологических наук

⁸ Багдасарян Р. 1995, Николай Тихонов и Армения, Ереван, 148.

⁹ Багдасарян Р. 2004, Антокольский и Армения, Ереван, 89-90.